

Антология
Нари Ади-Карана
В начале всех миров
Серия «Антология Живой
Литературы (АЖЛ)», книга 6

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24721035

В начале всех миров : антология. / Ред.-сост. Нары Ади-Карана.:

Скифия; Санкт-Петербург; 2016

ISBN 978-5-00025-090-7

Аннотация

«Антология Живой Литературы» (АЖЛ) – книжная серия издательства «Скифия», призванная популяризировать современную поэзию и прозу. В серии публикуются как известные, так и начинающие русскоязычные авторы со всего мира.

Содержание

Предисловие	9
Я прошел в мире тысячи троп	10
По щучьему веленью	12
Люби	14
Победитель дракона становится драконом	16
Питер Пен	18
Сказки	21
Цена	23
Герде	25
Как Алену вывели из воды	26
Крапива не жжется	28
Вальгалла	29
Гефсиманский сад	33
«Расставания боль больше нежности, плача злее...»	34
«Я выкладывалась дорогами, длинной тропкой по твой порог...»	35
«Я не трогаю тебя взглядом, я не трогаю тебя словом...»	37
«Мы заложники расстояний...»	39
«Я прошел в мире тысячи троп, я прошел сотней узких и злых...»	40
«Часть меня выжила. Слышишь? Одна лишь	42

часть...»	
«Мама, мне послезавтра исполнится восемь лет. Через неделю...»	43
Этот мир будет жить	45
Графика	46
1	48
2	49
3	50
4	51
5	52
6	53
7	54
8	55
9	56
10	57
11	58
12	59
13	60
14	61
15	62
16	63
17	64
18	65
19	66
20	67
21	68

Проводы	70
Проводы. Поэма	73
Вход	77
Метод	80
Приглашение к проигрышу	82
Лицом – в ладони	84
От причала юности	85
В трюме	89
Первая неподвижность	90
Самореанимация	91
Пробуждение	93
Лозунги	95
Прошение	96
Отдаленным друзьям	97
Перемены	98
Отдаленным друзьям	99
Эпилог	100
Старение	102
«В мой лингвистический паспорт вписано столько...»	105
«Теперь я сплю на краю кровати...»	106
«Ой, а помнишь, никто не стоял над душой?..»	107
Умение драматизировать	108
«Кажется, раньше – память уже не та...»	109
«Инспектор по делам этого мира...»	110

«Жить: неприемлемо; жизнь: неприемлема...»	111
«Половинки мозга под ударами грома...»	113
«Окна дышат темной пленкой...»	114
«Я выбился из сил – и высших, и подземных...»	115
«Традиций древних дело – отвечать на вопросы...»	116
Категоричный сонет	117
«Привычный шум воды – как древнее сказанье...»	118
«Эй, капитан, береги эту темную воду...»	120
«Ты думал, что эта победа будет легка?..»	121
«Я знаю: космос – светлый, он белее снегов...»	122
«Расскажи о своих видениях, сын гипнотических женщин...»	124
«Что-то, отдаленно похожее на смерть...»	125
Чувство вины	126
«Я просто не знаю стихов. Уже. Ни своих, ни чужих...»	127
Контекст	128
Обычная история	130
В открытку	131
«Как видно, не нашлось острее лезвия...»	132
«Истерия – как признак отсутствия вкуса...»	133
Письмо на замерзшем окне	134

«Пока рикошетит из трубки с грохотом...»	136
О мужчинах	137
«Он опять не спит, любуясь ее лицом...»	138
«Завязать бы мысли в тугой клубок...»	139
«...И вновь на плечах как будто лежит гора...»	140
«Зачем я тебе?.. Какая такая блажь...»	141
«Хоть и не свято – пустеет место...»	143
Имя	144
Бон Вояж	145
«Приезжай, мой друг, пока пустотел мой дом...»	147
«Плачу опять без повода...»	149
Мамины носочки	150
«Детка-детка... чего ж ты себя корежишь...»	151
«Безнадежно взрослеет племя моих самцов...»	153
«Тишина вокруг порождает побочный шум...»	155
Ирония и жалость	156
Фэнтази на тему моего псевдонима	160
Конец ознакомительного фрагмента.	162

В начале всех миров

Редактор-составитель

Нари Ади-Карана

Серия: Антология Живой Литературы (АЖЛ)

Серия основана в 2013 году

Том 6

Издательство приглашает поэтов и авторов короткой прозы к участию в конкурсе на публикацию в серии АЖЛ. Заявки принимаются по адресу skifiabook@mail.ru.

Подробности конкурса: издательский сайт
www.skifiabook.ru.

Все тексты печатаются в авторской редакции.

Предисловие

В начале всех миров – Слово.

*Оно творит миры, и в нем миры встречаются
друг с другом.*

Редактор тома Нари Ади-Карана

P.S. Если у вас есть желание предложить свои произведения – мы будем рады. Просто вышлите свои работы вместе с небольшим рассказом о себе по электронному адресу нашего издательства: skifiabook@mail.ru с пометкой «заявка на участие в Антологии Живой Литературы». Мы обязательно рассмотрим ваше предложение и ответим вам.

Я прошел в мире тысячи троп Ирина Иванченко. г. Томск

От автора:

Поэт-сетевик honey_violence, настоящее имя Ирина Иванченко. Помимо изучения Востока как основного рода деятельности занимаюсь написанием фанфикшена и стихов, ос-

новное направление – переиначенные на новый лад сюжеты всеми любимых сказок, мифов и легенд, классических книг и современных (мульт-)фильмов. На данный момент изданных книг не имею, но храню в своей поэтической копилке несколько побед в местных и интернет-конкурсах, а также ряд публикаций в журналах и тематических альманахах. Активно поддерживаю творческую молодежь города, организовала в 2012 году и по сей день курирую группу юных писателей Томска.

© Иванченко Ирина, 2016

По щучьему веленью

Щука клянется, божится, хвост ее ходит, как ладони, трясущиеся от страха. Говорит, буду тебе невестой, сеть рыболовная вышла с тобой нам свахой. Говорит, буду тебе рабыней, дно океанское крошечное – не скроюсь. Говорит, буду тебе чем хочешь: подругой, судьбой, женою, радостью буду, ушами, чтобы послушать, губами буду – правду среди лжи ведать.

Говорит. Емеля руки в карманах греет, недовольный морозом, сказками щуки, снегом, недовольный жизнью своей, похожей на прозябание, недовольный тем, что хочется, а не может. Он ладони к щуке тянет, та в них влетает, чешуя ее цветная сияет и греет кожу; и не рыба совсем – горяча по-человечьи, и слова ее Емеле кажутся чище истин. Говорит, украшу жизнь тебе, чем захочешь, будет жизнь твоя светлее любого жизни.

И Емеля долго думает, глядя, как щуке душно вне воды, ее родившей, но сердце к посулам глухо – жизнь пустая на печи в бездействии ему слаще.

Он берет ее покрепче и
вспарывает
ей
брюхо.

Люби

Ты, чьи ладони нежны, не изрезаны лезвием волн, ты, чья душа наполнена солнечной теплотой, ты, на чьей шее вьются нитями жемчуга, добытые мной в подарок, будь вместо меня – жена!

Ласку ему дари, тихая, словно штиль, слова ему говори человеческие, свои, которые он поймет, а не забудет, как шум свежий, дикий, морской, затихающий поутру в теплой постели, нег полной – горячий мед!

Нежи его, родная. Оставь мне мой вечный лед.

Времени прекратить этот нелепый бег сможет любой из вас, но не сомкнете век. Русалочью душу не жаль, она, словно пена, пуста. Ничтожна для вас цена – за ноги — ее хвоста.

Обида уснет на дне, обиду укроет ил. Люби его долго — долго, люби его за двоих.

Но только страшись увидеть седые его виски и, зная, что он уйдет, не утешить его тоски, когда, одинокий, выйдет на берег, шагнет в волну —

и миг повторит, в который

когда-то
не утонул.

Победитель дракона становится драконом

Победил двух драконов, третьего не сумел.
Превратиться не смог ни разу, как предрекали,
Мол, дракона срази, проклятье его регалий
Перейдет на тебя, явился раз, глуп и смел.

Я специально сдирал доспехи и голым шел,
Не боясь, без меча кидался, как волк, на зверя,
Я хотел победить, желая, не лицемерил,
Только что-то не так, быть может, с моей душой,

Раз проклятье меня обходит за разом раз,
И драконья душа вселяться в меня не хочет.
Почему только я единственный среди прочих,
И меня обманул предания гнилой сказ?

Третья туша в крови сгнивает у моих ног,
Желтый глаз смотрит пристально-мертво, и режут сталью
Крыльев черных шипы, которые не достались.
Я стою и смеюсь: я смог, да, я снова смог,

Но драконья судьба прошла стороной меня:
Победивший дракона остался, как был когда-то!..
Только правда стеклом драконьего жжется взгляда:

Монстр уже был внутри, и его ни к чему вселять.

Питер Пен

Он прилетает испуганным, покалеченным:
Жернова времени нагнали и изувечили.
Стынет над Лондоном серый, промозглый вечер.

Венди глядит отчужденно и с равнодушиной:
Эти истории видели, знаем, слушали.
Взрослость приходит к каждому. И все рушит.

Мечется в клетки взрослого тела Питер,
Дверь закрывается в детство надрывным скрипом.
Скрипом? Точнее, с воплем надрывным, криком.

Венди, как в кокон, прячет его под пледом,
Кормит его полезным ему обедом
И обещает отправиться за ним следом.

Только в Нетландию путь им уже заказан:
Мы вырастаем. И вырастаем сразу.
Так что моргнуть порой не успеем глазом.

Он по подушке мечется, тихо плачет.
Венди, кричит, что все это, скажи, значит?
Что надо мной стоит, как немой палач?

Венди уходит, закрыв за собою двери.

Правда пришла, пусть ты в нее и не верил,
Так принимай по-взрослому, без истерик.

Питер ломается, как куколка из картона,
И больше не молит о светлом, живом «потом»,
Просит добить скорей и забыть на том.

Наутро встает, вливается в строй прохожих.
Он неотличим, он теперь стал на них похожим.
И ты, что читает это,
Однажды.
Тоже.

Сказки

А русалка, ну что русалка? пеной бьется о берега.
А принц счастливо живет рядом с той,
кто искренне дорога,
С той, что ласкова и прекрасна человеческой теплотой.
Это в сказках бывает глупых:
рыбы, ведьмы и колдовство.

А служанка, ну что служанка? Изгорбатилась, моя пол.
А невеста принца красива была в церкви, и королем
ставший принц был иных прекрасней —
ровно Золушкина мечта.
Это в сказках бывает глупых:
бал, кареты, часы, хрусталь.

А принцесса, ну что принцесса?
Не проснется, отравлен кто.
Правит мачеха государством пружестокой своей рукой.
На вопросы «Кто здесь милее?»
промолчит черный дух зеркал.
Это в сказках бывает глупых: оживать на чужих руках.

Башни прячут того ребенка, что поранилась об иглу,
что не выросла дивной розой,
что не просто легла уснуть.
И бездетная королева, и скорбящий седой отец...

Только в сказках, убив дракона, можно ждать
пресчастливый конец,

только в сказках спасают принцы,
феи-крестные всем дарят,
только в сказках любовь такая, что умеет всегда спасать,
побеждать, уничтожив злое силой верности и любви.

Только в сказках счастливых двое.

Ну а в жизни увы.

Увы.

Цена

Приплывает, еле двигая плавником,
Говорит, от немоты отойдя не слишком,
У меня теперь отдать тебе – ничего,
Даже голос предложить – осмеёшь же —
такой неслышный
Стал, осипнув от молитв и от горьких клятв,
Что рассыпала ему, как в спальню цветы до ложа,
Где теперь он спит, а рядом его жена,
И покоя их никто уже не тревожит.

Я смотрю, как слезы капают – жемчуга —
На ее ладони белые, вижу горе,
И ей вторят волны, режущие мне грудь,
И ей вторит, боли девичьей вторит море,
И не можетя мне глупой не помогать,
Раз хранить беду и счастье работу дали.

Я ей капаю в напиток прозрачный яд,
Что ей вены взрежет пламенем острей стали,
Доберется лапой жадною до груди,
Вырвет сердце ее ласковое – прочь жалость.
Принц, ее не любивший, не пощадил,
Нелюбви своей вонзив в нее злое жало,

Значит, мне жалеть не нужно ее вдвойне,

Только колет в клетке ребер чертовски сильно,
И не хочется мне цену ей говорить,
Пусть она помочь сама же меня просила.

Варево готово от бед мое,
Выпьешь – и уйдет боль, уже не тронет.
Она преподносит мне алый ком
Вырванного сердца
В своей
Ладони.

Герде

Да иди ты на все четыре отсюда пешком.
Притащила воз роз, а на кой они в царстве мрака,
Где вокруг только лед? Я прошу тебя, Герда, дура,
Зарекаю тебя, прекращай же, ну хватит плакать.

Забирай это все, ни к чему мне твои подарки,
Что в сравнении с тихой поступью Королевы
И ее белых рук подарить мне смогла б простая
Девка вроде тебя? Только тело, да, только тело.

Но что руки твои, озябшие от мороза,
Все в царапках колючих от холода и от ветра,
Что мне ноги твои, истоптанные до крови,
Что от сердца в груди, горящего безответной

Жадной, жалкой, ненужной, мешающей тебе страстью,
Этой нежностью, что и льдины согреть не в силах?
Уходи, пока можешь, о гордая и босая,
Я тебя приходить сюда, в общем-то, не просил.

Как Алену вывели из воды

Как Алену вывели из воды, в доме стало только мрачней, чем было. У Алены бело, как мел, лицо, у Алены сердце давно застыло – что ей муж, глядящий во все глаза, что ей брат, сумевший спасти сестрицу? Ей туда б, обратно, где

мать-река протекает, миру живых границей сберегая тех, кто уснул на дне. Вот где дом Аленин, где братья-сестры.

Как Алену вывели из воды, так взгляд стал Аленин и злым

и острым, голос же медовым: зовет с собой проводить на реку, достать ей лилий, и река смеется, плеща волной, и зовет уснуть в своем мягком иле.

Как Алену вывели из воды, ни житья, ни счастья – все исчезло. Не дозваться брату сестры родной, не спасти любимую, бесполезно: с кем однажды мир тебя повенчал, с тем тебе вовеки пребыть и присно. У Алены только одна печаль: как себя спасти от постылой жизни, как унять тоску

свою по воде, как сбежать, где взять бы тяжелый камень, чтобы не поднять никому из тех, кто ее вернул живым против правил, кто отнял покой ее, тишину, кто забрал из дома уже родного.

Забирай, Иван, у своей сестры воздуха за грудного
цепь-оковы, что сплели вокруг сердца ее, как сеть,
нежеланье
жить, как в клети горлице. Не держи Алену среди живых,
отпусти на реку
домой.
Топиться.

Крапива не жжется

Крапива не жжется, не колется, не горит
По тонким рукам вдоль тела, как ветви ив,
Висящим безвольно. Ткала, да не доткала —
Отнялись уставшие пальцы, заранее все решив.

Завыла спустя года молчания: зря, все зря!
Глаза потускнели вмиг, закушен до крови рот.
Пыталась, пыталась, но рубашки не довязать —
Коль не был ты в ней рожден, она тебя не спасет.

Высокий держит забор, такой бы лучше костер:
Шагнуть в него — что ей жизнь теперь, коли не спасла?
Одиннадцать комьев холодной сырой земли.
Одиннадцать птиц, взмывающих в небеса.

Вальгалла

Не боялся меча, не боялся копья в грудину. Даже братского прежде клинка не по-братски в спину. Не боялся вставать на рассвете, не зная, вернется ль к ночи, не боялся за жизнь – у других ведь куда короче, чем дозволили жить ему боги с извечного льда глазами. Он в них верил и каждой истории из сказаний.

Я его повстречал не на поле кровавой сечи, был спокоен и благостен светлый, прозрачный вечер. Я как враг с ним на узкой тропе никогда бы не разминулся, я как друг нашел слов для него и души коснулся, и с тех пор по дорогам далеким страны моих диких фьордов мы шагали вдвоем.

Боги горстью ссыпали годы, умирало вокруг все, мы ж делались лишь сильнее. Он в богах был своих так наивно-светло уверен: без щита шел на пики, без крика, сжимая зубы, принимал свои раны, надеясь, что боги судят не по ранам – по доблести, храбрости и по чести. Мы с ним, если случится, всегда собирались вместе по ступеням Чертога на Одина пир веселый заглянуть отдохнуть. Кто же знал, что случится скоро нам найти туда путь?

Иноземцы чертили знаки и плевали нам вслед, вслед

нам лаяли, как собаки, и пинали божков, и топтали дар подношений. За такое ни боги, ни люди не смеют давать прощений. И мой друг отомстил. Умер каждый дурной насмешник, лишь один прошептал на издох ему: «Будешь грешник по моей правде совести да по своим законам». Мой друг тотчас добил его, зубы сведя до стона – нож торчал из груди его, и кровь рукоять ржавила. Он пытался подняться, но не было больше силы. Я помочь ему мог, но свои залечить бы раны – чужеземца удар вероломен был и негадан.

Поля битв пред глазами стояли, манили нас – но пустое. Мы погибли, как прежде хотели – вдвоем, нас погибших двое. Не спустились валькирии. Видно, доблести было мало. Я, глаза закрывая, видел двери святой Вальгаллы. Он, впервые крича, бил о землю рукой ослабшей, не держащей меча, и от этого было страшно. Не спустился за нами никто. Где же шаг валькирий? Где же боги его, на кого мы всегда молились?

Я сажусь рядом с ним, он молчит, и немая жалость — это все, что досталось нам с ним, что ему досталось от меня, не богов его старых, закрывших наверх ступени, словно долгая жизнь миг последнего преступления не омыла отвагой, не скрасила грех последний.

Он Вальгалле своей до конца оставался верным. Он к Вальгалле своей путь рубил топором и гневом.

И Вальгалла манила своим бесконечным небом...

В недвижимости этой мы смотрим в него, но тщетно.
И врагов, и свои тела стали щепоткой пепла сотни
весен назад, но молчат небеса стальные вечной
серостью фьордов.

Просили мы как, молили!..

О твоей златостенной и вечной, святой Вальгалле
нам солгали, мой друг,
нам с тобой так жестоко *лгали*.

Гефсиманский сад

Ты – олива восьмая, растущая в том саду,
Где гробница Ее, пустующая столетья.
Я пришел к тебе помолиться, прижавшись лбом,
Но ушел, как Фома, что, явившись, увы, не встретил

Ту, к которой пришел – только гроб, только белый гроб,
Равнодушно-холодный под взглядом, таким же ставшим.
Ты роняешь на землю выцветшие листья,
Я себя опускаю рядом душой уставшей,

Чтобы вместе с тобой обернуться опять землей,
Чтобы цепью ладоней сомкнулся небесный купол
Гефсимании вечной, не прячущей тела той,
Что в ответ на молитвы протягивает нам руку,

Но слезы не утрет – очистительна сила слез.
Сколько плакалось ей, прежде чем даровались силы...
Я молчу, глядя в небо, и небо глядит в меня,
И касаются лба, словно пальцы, листья оливы.

«Расставания боль больше нежности, плача злее...»

Расставания боль больше нежности, плача злее,
Так пусть Рай оказался, когда исхитрился змей
Увести Еву в ад, и пусть дали сюжет иначе,
По пустынному Раю разносится скорбный плач.

И тебя разрывает криком, сшивает заново,
Было имя ее наградой, а стало ранюю —
Так кровит и болит невыносимо эта женщина,
И ладонь твоя ей, как линией, вся исчерчена.

Ты зовешь – ее? Господа? – сходит на стон проклятие,
Когда кожа твоя горит по ее объятиям,
Только нежность с ее шагами навеки сгинула.
А все ребра твои, Адам, целые до единого.

«Я выкладывалась дорогами, длинной тропкой по твой порог...»

Я выкладывалась дорогами, длинной тропкой по твой порог,
Я собакой к рукам ластилась и покорно была у ног,
Я ночью и хищной птицею вдаль высматривала врага.
Все, что делала, било мимо, и не стала я дорога.

Ведьма сыпала в чан коренья, наливала туда воды
То ли мертвой, то ли целебной, чтоб заметил мои следы,
Чтобы в мире, где сотни, сотни! выбирал лишь одну
меня.
Все, что сварено, лилось мимо. На кого меня променял?

Слова слушала и шептала, повторяя вслух наговор,
И пыталась украсть из клетки ребер белых, как дерзкий
вор,
Сердце, бьющееся в свободе, не желающее любить.
Изломала, но не достала, пальцы, рвущие нить судьбы.

Ведьма плюнула: непокорный, неподвластный. Уйди,
смирись.
Отвечала ей: как же сдаться? Без него разве будет жизнь?
А потом замерла, увидев, как блестит по свободе взгляд:
В дар снеси ему душу с жизнью, он вернет их тебе назад,

Подари ему все, что хочет, да не рад будет, хоть ты вой.
Не молись, не роняй слез больше, покрести и ступай
домой.

Пусть другим заговоры ведьма помогает в ночи плести —
Если мимо лежат дороги, там и богу их не свести.

«Я не трогаю тебя взглядом, я не трогаю тебя словом...»

Я не трогаю тебя взглядом, я не трогаю тебя словом, просто я не хочу, чтоб снова что-то взвыло, как пес, внутри. Говорю: я – всему основа, не дуэт пусть, а будет соло. А что вытекло из глаз солью, рукавом, не стыдись, утри: кто не плакал, тот не был ранен, кто не падает, тот не встанет.

Я в тумане, в таком тумане разбиваются корабли, только свет маяка, он манит, утешая тоску прощаний.

За туманом другие дали,
и за ребрами не болит.

«Мы заложники расстояний...»

Мы заложники расстояний,
Мы заложники расставаний,
Бесконечных в пути скитаний
И погаснувших маяков,

Мы владельцы дыры в кармане,
Пустоты той, что между нами,
Мы – подошвы от наших прежде
Целых, новеньких сапогов.

Может, хватит, ну право слово,
Ну, подумаешь, не взросло в нас.
Ну, прими уже, что мне снова
Что-то пробовать – нет огня:

Я настолько устал, что, хочешь,
Трать неделями дни и ночи,
Вряд ли станет уже короче
От тебя путь и до меня.

«Я прошел в мире тысячи троп, я прошел сотней узких и злых...»

Я прошел в мире тысячи троп, я прошел сотней узких и злых тропинок. От порогов мне вслед злые слезы летели в спину за плечами оставленных женщин, детей их, со мной с лиц схожих. Я входил в столько жизней и каждую потревожил, не оставив взамен ничего, кроме сердца боли.

Только все стало честно, когда мы свелись судьбою.

Я к воротам твоим приходил, возвратясь со странствий. Ты, куда б ни ушел я, прощала меня, скитальца, принимала обратно, стелила мне мягче пуха.

А когда уходил, в спину мне не несло ни звука.

Потому и спешил сюда вновь из любого края: там, где слезы не льют, там из памяти не стирают. А где думы гадают и так солона подушка, слезы высохнут за ночь, а к вечеру

станет
лучше.

Ты ж, голубка, жила без меня так же славно, как и со мною.

Этим счастьем своим повязала, и мне спокойно, несмотря

на капкан. Хотя разве же это путы?.. Руки нежные эти с кап —

каном нельзя попутать. Только крепко они рядом держат —

хомут шелковый.

Сколько раз уходил, но всегда возвращался снова.

«Часть меня выжила. Слышишь? Одна лишь часть...»

Часть меня выжила. Слышишь? Одна лишь часть.
После тебя, как дракона, от замка один лишь остов,
Выжженный дочерна. Что мне любовь твоя,
Если она в моей глотке застряла костью,

Если война твоей нежности во стократ
Вышла бескровней, а нежность твоя убила?
Часть меня выжила. Слышишь? Одна лишь часть,
Я растерять себя полностью, нет, не в силах,

Я подпустить тебя снова в обломки стен,
Горе, разруху не смею и не желаю.
Мертвой водой окропи – не сойдется ран
Край, потому что я сплошь повдоль – ножевая

От твоих слов, распределительских, как Иуд
Сотен и сотен ртов бесконечно лживых.
Часть меня выжила. Да, пусть одна лишь часть,
Но... многие ль от любви твоей ушли живы?

«Мама, мне послезавтра исполнится восемь лет. Через неделю...»

Мама, мне послезавтра исполнится восемь лет. Через неделю

приедет к нам Дед Мороз, и я уже знаю, что буду просить в ответ за то, что весь год я вел себя хорошо.

Мама, я попрошу, чтобы ты пришла, пусть и на час. Я знаю,

ты занята, мне так сказали. Что мама моя ушла. «А мама вернется?» «Когда завершит дела».

Какие дела у тебя важнее, чем целый я? Я, тебя ждущий...

не нужен мне Новый год! Деду Морозу я знаю, что рассказать,

о чем попросить – пусть мама меня найдет.

Мама, я много и много тебе про нас рисовал. Мама, не смейся,

что синий твой цвет волос – один на двоих здесь делится карандаш, их здесь не хватает, как и тебя порой.

Нас в комнате десять, и каждый тебя зовет. Не знаю, зачем

им тебя, ведь я твой один, но знаешь, я все-таки верю, что сможешь и заберешь, узнаешь, вернувшись, укажешь и скажешь: «Сын». Узнаешь меня, хоть я вырос и Новый год

я встретил уже, мне сказали, здесь пятый раз. Пожалуйста, мамочка, пускай найдет Дед Мороз тебя где-то там, поможет решить дела.

Пожалуйста, мамочка, дай ему мне помочь тебя отыскать. Я вел себя хорошо!

Пожалуйста, боженька, пусть бы на этот раз мне тети сказали:

«К тебе кое-кто пришел».

Этот мир будет жить

этот мир будет жить, подвластный твоим законам,
утопать в твоей щедрости, нежиться в твоей ласке,
забывая, что быть счастливыми – твой приказ.

этот мир будет жить в границах твоих владений,
под защитой твоей, покорным пребудет воле,
потому что ты обещаешь боль ему. много боли.

этот мир будет жить, другого царя не зная,
и, когда ты уйдешь туда, где уже не судят,
он останется здесь, нескоро тебя забудет

и продолжит псом верным истово жечь и рушить
все, что было тебе не нужно и ненавистно,
будет класть на алтарь свои и чужие жизни

и теперь и потом, когда все осядет прахом,
когда память сотрется, а имя поглотит вечность:
страх по-прежнему будет здесь, будет их стеречь,

и твой мир будет жить.

Графика

Александр Очеретянский.

США, г. Фэрфилд

Об авторе:

Александр Очеретянский родился в Киеве в 1946 году. Стихи пишет с середины 60-х прошлого, разумеется, столетия.

В СССР не печатался. Автор восьми поэтических книг,

опубликованных в России и в США; библиографии «Россия. Литературный авангард. 1890–1930»; двух коллажных книг, множества неопубликованных коллажей и коллажных книг, соавтор двух книг по исследованию русской литературы 10-20-х гг. XX столетия, поэтической антологии того же периода, а также мини-поэтической антологии свободных стихов «НАШ ВЫБОР», Россия. Короткие тексты (1950–2000).

Автор многочисленных публикаций в периодических изданиях (бумажных и электронных) по обе стороны океана. Редактор и издатель литературно-визуального альманаха «Черновик» с 1989 по 2012 г.

© Очеретянский Александр, 2016

1

С

каждым годом
сил меньше
все
будет и меньше

с

каждым годом
как будто иначе нельзя

с

каждым годом
обязан я быть все сильнее сильнее

с

каждым годом
иначе нельзя

2

тоска
и бессилие
грусть и
ярость

душа
и в состоянии войны
разум

густая
неразборчивая боль
тяжесть

3

как только себя оправдать хотим сразу находим
слова и поступки и жесты все то
чего у нас нет и когда делаем дело
нет у многих
ни разу, целую жизнь

4

мне протянута была тоненькая ниточка
уцепившись за нее размотать клубок
было честно говоря делом техники
я не знаю отчего нитка тонкою была
знаю лишь что был в том прок
раз мотал таки клубок

5

ВЫ

ВЫ ВЕТКИ

ВЫ НЕ МОЖЕТЕ ВЕТКИ МЕНЯ НЕ ПОНЯТЬ

ВЫ НЕ МОЖЕТЕ ВЕТКИ ЗЕЛЕННЫЕ ВЕТКИ МЕНЯ НЕ ПОНЯТЬ

ВЫ НЕ МОЖЕТЕ ВЕТКИ ЗЕЛЕННЫЕ ВЕТКИ НА МУСОРНОЙ КУЧЕ
ЦВЕТУЩИЕ ПЫШНО

МЕНЯ НЕ ПОНЯТЬ

ВЫ НЕ МОЖЕТЕ ВЕТКИ ЗЕЛЕННЫЕ ВЕТКИ НА МУСОРНОЙ КУЧЕ
ЦВЕТУЩИЕ ПЫШНО —

ПЛЕВАТЬ ВАМ НА МУСОР – МЕНЯ НЕ ПОНЯТЬ

Я ТАКОЙ ЖЕ КАК ВЫ ПЛОТЬ ОТ ПЛОТИ ТАКОЙ ЖЕ КАК ВЫ

ТАК ЖЕ ТОЧНО ЖИВУ ОЖИВАЮ РАСТУ ПОД ДОЖДЕМ

ТАК ЖЕ ТОЧНО КАК ВЫ УМИРАЮ ОТ ХОЛОДА ГОЛОДА ЖАЖДЫ

6

на дерево ДЕРЕВО один и тот же взгляд
на протяжении минуты очень
разный

ВЗГЛЯД разный дерево одно один и тот же человек

7

одуванчики больше
любил он чем розы
астры —
больше чем все вместе взятые в мире цветы

жизнь
(свою и чужую) любви не приглядном величии

8

зимний день день
день свежий
прозрачный
солнечный воздух
покой
тишина

я подумал что жизнь моя жизнь быть такой же
быть точно такой же могла будь она эта жизнь
человеку другому дана

9

когда всем сердцем ждешь покоя тишина
когда всем сердцем ждешь покоя глубина
вся жизнь твоя видна
такую
какою быть обязана она

10

Старик (опыт объемного портрета)

ему уже не нужно ничего глаза глаза
он полон жизни разрушенные пусты
а какой бойницы беспомощны
не помнит

забытых помнят

11

сказка но

крошечный (излюбленная тема) росток зеленый в
трещине асфальта

зеленым цветом закрывает мгновенно красит серый
асфальт избитый нашими ногами нашу
жизнь

12

обожание – звук пустой
слово с пылью смешать раз плюнуть
из улыбки легко сделать фарш мясной
замечательный надо думать

обожание – звук пустой полый звук – полу-звук чет-верть
сотая
ноль без палочки

обожать – значит день и ночь
для того только жить чтоб нравиться обожание – звук
пустой

13

желание

родиться выродиться вы

материться вслух пройти на голове коленками

назад ползти на четырех на месте

прыгать головой трясти сойти

за неврастеника шута паяца идиота всё

что угодно только бы не эта

тишина

14

объятие обязано быть

КРЕПКИМ ПОРЫВИСТЫМ И ЧИСТЫМ КАК СЛЕЗА

Обязано объятие быть объятием и л и не быть

как все-таки безжалостно линияет новизна

ф

р

а

з

а

из письма

ЗДЕСЬ

прежде теперь
покой запустение
величие тишь

ЛИШЬШОРОХШАГОВЛИШЬ

наивно
трогательно
(чуть глуповато)

и потому всегда так грустно
так тоскливо
так печально
и так больно

больно чуть-чуть

Из окна вагона

Столько роз посадили

Одна расцвела

Под палящим безжалостно солнцем

Будь ты счастлива

роза

цветущая роза одна

под палящим

б

е

з

ж

а

л

о

с

т

н

о

СОЛНЦЕМ

на повороте
большой дороги

дерево
маленькое
лежало

мимо неслись машины
прохожие шли мимо

все было
как
обычно

сумерки продолжались
день подходил к концу

все было
как
обычно

дерево умирало
сумерки продолжались
день подходил к концу

из любви к ненависти
от ненависти к скуке
из любви к тонкости
от ненависти к грубости
из любви к упрямству
от ненависти к тупости
из любви к силе
от ненависти к слабости
из любви к работе
от ненависти к тщеславию
из любви к самолюбию
от ненависти к беспомощности
из любви к искусству
от ненависти к бездарности
из любви к верности
от ненависти к предательству
из любви к жажде
от ненависти к пустыне
из любви к жизни
от ненависти к смерти

из любви к ненависти

лицевая сторона страницы:

жизни пять минут пять минут пять

пять минут пять минут минут минут пять пять пять

минут минут пять пять минут минут минут пять минут

минут пять пять минут минут пять пять пять пять ми

нут пять пять пять пять минут минут минут минут пять

минут минут минут минут пять пять минут пять пять

минут минут пять пять пять пять пять минут минут м

инут минут пять минут минут пять минут минут мин

ут пять минут минут пятьт минут минут пять минут пя

ть минут минут минут минут пять пять пять пять пять

минут минут минут пять пять минут минут пять пят

ь минут минут минут пять пять пять минут минут пять

минут пять минут пять пять минут минут минут минут п

ять минут минут пять минут пять минут пять минут

пять минут пять минут пять минут пять пять пять ми

нут пять минут минут минут минут минут пять пять пять

пять пять пять пять пять пять минут минут минут мин

ут пять минут пять минут минут пять пять пять пят

ь пять пять пять пять минут минут минут пять ми

нут пять минут минут пять минут пять минут минут

пять минут минут минут пять минут пять минут минут

пять минут минут пять минут пять минут пять мину

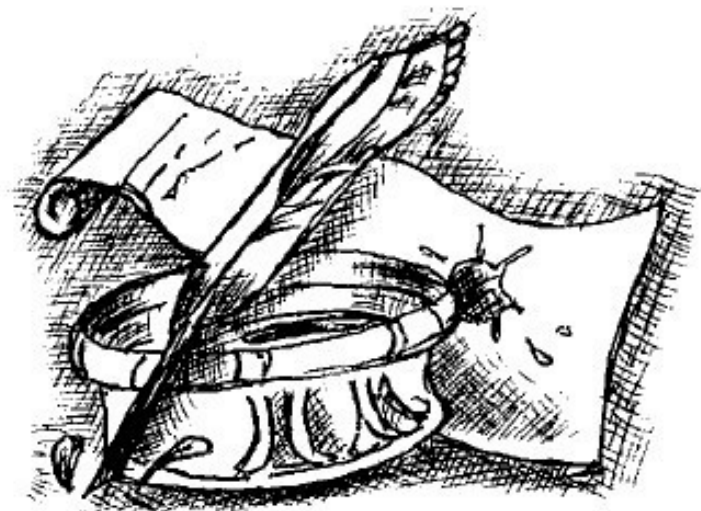
т минут минут минут пять пять пять минут минут мин

ут минут пять пять пять пять минут пять пять пять пять

минут минут минут минут пять пять пять пять минут
пять минут пять минут минут

обратная сторона страницы:

не хватило

Проводы

Ольга Челюканова. г. Москва

Об авторе:

Ольга Челюканова родилась в Приморском крае, в семье

военнослужащего. Часто переезжая, проехали весь Союз от Владивостока до Калининграда. Долгое время жила в Латвии. Закончила дневное отделение Литературного института им. А.М. Горького, семинар поэзии. В 1998 году принята в Союз писателей России (МГО). Член Клуба писателей ЦДЛ. Пишет стихи и прозу. Переводила с латышского, болгарского, украинского. Живет в Москве. Публикуется с 1979 года. Автор нескольких книг. Среди них «Стихи о России» (2003), «Электронная скрипка» (2013). Стихи публиковались в газетах, журналах, альманахах и коллективных сборниках. Песни на мои стихи слушайте на сайте chelukanova.ru.

© Челюканова Ольга, 2016

Проводы. Поэма

1

Друзья мои праздничные, друзья мои будничные,
Друзья мои горестные, товарищи дальних,
Сопутники дерзких дорог, с кем счастье вынынчивали,
С кем верили в будущее, с кем горе стоверстное
Объятьем пасхальным сминали до траурных крох!

Пути наши пройденные, пустые ли, праведные,
Пути наши памятные, озноб поворотов,
Остуда рассветов сквозных... Которого ордена мы?
Куда мы направлены, и так затемно, затемно?..
Раскаянья ропот на робком рассвете возник.

Шаги ваши призрачные, глаза ваши пристальные,
Лучами пронизанные огней негасимых,
Горячих. Попробуй, сверни...
Прочь, здания призрачные!
Отмучились пристанями кораблики пригнанные
Непереносимо
Стремятся сквозь думы и дни.

Возжелав доказать себе,
Что былое не безвозвратно,
Я воздвигну закон простой
И увижу: ничто не зря.
Те, что шли по одной тропе,
Обрели родимые пятна.
Самой жадною кислотой

Эти солнца стереть нельзя!
Эти солнца горят во лбах.
В осиянных лбах эти клейма!
Нас – вчерашних – зовут назад.
Мы тогда не умели – вспять.
Не за совесть и не за страх
Нам отметины ныне время
Без разбора, вкось, наугад
Будет бойко штемпелевать!

В тех, иных небесах – Луна.
Несомненно, Луна иная.
Мы не знали, что ОЖИЛ Босх...
Мы не знали, что ЖИВ Шекспир...
Ох, трава была зелена!
Но была зелена – иначе.

Как широкий и свежий вдох,
Распускался цветастый мир!

А за Детством – сошлись... Ура!
Кое-что уже пережили:
Небо после десятого
Нам ударило в головы.
Сквозняков игра. И ветра
Нас кружили и мы дружили,
И хотелось нам всякого,
Улыбалось нам – долгое!..

3

Принимая – тернистый путь,
Отвергая – легчайшие,
Мы как с шашкою наголо —
Налетали ватагами!
Хоть проспорили истину,
Да рождали не чаще ли,
Горлопанной атакою
Без стратегии с тактикой!

Юность – время певучее.
Нет у ней повелителя,
Как у дерева – имени.

Разве только название...
Есть такое горючее —
Не создать заменителя
Ни в химерах алхимии,
Ни путем волхвования.

Только б ярость наяривать!
Только б версты наверстывать!
Только б руку берущую,
Чтобы можно – одаривать!
Как на яркой на ярмарке,
Развеселой, за просто так,
Всех прошедших и будущих
Без числа – отоваривать!

Бескорыстные купчики,
Богачи неимушие,
Что со скоростью мысли
Свой товар продувают!
Станут позже задумчивей
Руки ваши дающие:
Зерна веские смысла
В них не оскудевают...

Вход

Детским дырявым сачком
Резвое время поймали.
Биться не стало оно,
Крылья цветные сложив.
Точные пальцы потом
Из розовеющей марли,
Не осыпая пыльцы,
Нежно, без спешки и лжи,

Не нагнетая побед,
Не подавляя прозрений
И, прокламируя быль,
Не педалируя боль,
Вынули время на свет,
Мудрый, первично-осенний.
Вновь полетело оно.
Но – повело за собой.

Следом! По следу – к следам,
К оттискам всех впечатлений,
К слепкам больших платежей,
К матрицам вечных долгов...
Следом! По следу – туда,
Где на доске объявлений
Старого парка – слова:

«Вера. Надежда. Любовь».

Холст не истерзан нисколько.
Краски настойчиво-ярки.
Сонмы пропавших снегов...
Толпы прошедших дождей...
Время, веди – не неволь
Под нетриумфальную арку
Парка утраты моей,
Парка надежды моей.

Там, в лабиринтах деревьев,
Быль переходит в прогнозы.
Не рассыпается в пыль
Прошлого память и пыл.
И нарастает напев.
Свежи и розги и розы.
Предполагаешь, прозрев:
Ты ничего не забыл.

Снова тебя завлекут
Старые аттракционы.
Призрачная карусель
Смело взяла в оборот!
А репродукторы ткут
Жалобу аккордеона:
Что-то он так потерял,
Что нипочем не найдет...

Светлые песни весла
И аллилуйя аллеи...
Так и оставим. Пойми
Эту «ошибку пера»...
Память звала и несла!
Слева забыто белели
Кольшки от шапито,
Словно бы снялись – вчера...

Как говорится – вошла!
Дальше, на время не глядя,
Следовать этим путем,
Не отвлекаясь, опять.
И, не предав ремесла,
Вслед, на промозглой эстраде
Будет слепой музыкант
Вечные темы играть!

Метод

1

Проживаю ситуацию сполна,
Добросовестно, как старая актриса.
Роль – к финалу, что рискованно написан,
Я толкаю. Подсуфлируй, тишина.

2

Прожигаю ситуацию до дыр.
Понимаю: преждевременно ветшает.
Нищета первоначальных обещаний,
Острия свежеотравленных рапир —

3

Для финала! И на все – одна цена.
Каково твое последнее паренье?

Как меняется твое мировоззренье?
Изживаю ситуацию до дна!

4

И уже не важно: вместе иль поврозь,
Для начала неожиданных итогов.
Ностальгическая вежливость. И только.
Провожая – ситуацию – насквозь!

Приглашение к проигрышу

Ляжем в дрейф! Станет вновь
Легендарной земля.
И – ни «лево руля».
И – ни «право руля».

Позабудем людей,
Берега, тополя...
Все – ни «лево руля»,
Да ни «право руля».

И вражда и любовь
На нуле – о-ля-ля!
Что ж! Ни «лево руля»
И ни «право руля»!

А большая вода
Убивала, шая!
Но – ни «лево руля».
Но – ни «право руля».

Все – теперь
И совсем ничего – «опосля».
И – ни «лево руля».
И – ни «право руля».

И уже никогда
Не сойдем с корабля.
Эх – ни «лево руля»,
Да – ни «право руля»...

Протянулась рука,
Да не стало руля.
А припевом всему:
Тра-ля-ля, тра-ля-ля!

Лицом – в ладони

...И когда твоя сигарета попадает четко мимо
пепельницы,

И когда вино твое горько вне зависимости от качества,

Вспомни скорее время недалеко от детства,

Вспомни, как непритворно там смеется и плачется.

Что ж теперь? Где вы все? Чем вы стали? Чем я?

Сколько слов. Лишних. Наложите лимит.

Я кричу! Отзовитесь. Под сводами снов я иду к вам.

Откликнетесь. Сделайте вид, что – узнали!

Ох, и трудно... Похоже теперь, что я ною.

Ноет – сердце, да все ж неуместно как будто.

И опять уплыву на ковчеге на Ноевом. Новом.

Буду спать и качаться. Бесплодно. Зато – беспробудно.

Да пугает тот сон, где Пьеро изнемог от отчаянья,

Где с веревкою гвоздь выбирал он надежный и крепкий,

Где девчонка какая-то, глупенькая и случайная,

Захотела с веревкой попрыгать

И от смерти страдальца спасла...

...не надолго.

Нелепость?

Что ж теперь? Где вы все?

От причала юности

Завершилась проулка.
Не ругай – не хвали.
Юность, странно и гулко
Мне отплыть повели.

Я, конечно, уеду.
Только под ноги – трап.
Авантюрное кредо
Неоправданных трат!

В параконное чрево,
В моментальное «пусть!»
Я войду королевой
Без парламента. В путь!

Не в каюте качаясь
Респектабельно, но
В глубине нескончаемой...
Днище. Донышко. Дно.

Здесь на стенах осклизлых
Пишет плесень цвета
Приглушенно-изысканные...
И светла нищета!

Одичавшие чайня.
 Озорное вино.
 Неужели – отчаливаю?
 В океане давно!

Мели-отмели шельфа
 Миновав по пути,
 Сожаления шлейфы
 Позади распутив,

Безалаберно, слепо,
 Тем не менее – верно,
 Шел корабль. И свирепа
 Была его вера!

Неустанно. Неистово.
 Наобум. Но едва ли
 Вы стояли на пристани,
 И платочки порхали...

Бесшабашное счастье.
 На ветру пилигрим.
 Отыгралось! Ненасья
 Стерли радужный грим.

Поиняли полемики.
 Облупились куплетики.
 Вы со мной – неотъемлемо.
 Остальное – эклектика!

Навсегда. Безбилетно,
Вам со мной по пути!
Но прощай, недопетое...
Огневое, – прости!

Чьи слова мне мигают?
Где реальность, где – кажимость...
Увозя, – постигаю
Ваши. Каждое. Каждое.

В отрешенной нездешности
Лже-безлюдного трюма
Околдована сдержанность,
Просветленность угрюма.

За завесами замыслов
Засыхает печаль.
Зачинаются завязи
Не случайных начал...

Ваши дальние лица
В забытьи не удержишь.
Заводись, небылица,
Как кружением – дервиш!

Встречу риф или берег?
Пепелище? Жилье?
Ваше право – не верить.

Помнить – право мое...

В трюме

Отбыла. Отболело.
Все кончилось. Что-то – останется.
Проглочу отрезвело
Хмельные остатки катарсиса.

Расставанный настой
На горячем спирту передряг.
Рецептурой – простой.
Да горчит. Приготовлен не так.

Не канючу. Не каюсь.
Жестяное слово «цейтнот».
Ну а здесь, спотыкаясь,
По стеночке время идет.

Первая неподвижность

Решеньем натуго спеленута,
Как тайна после сотворения.
Разоблачительной разгадке
Уже не причаститься вам.

Или, как мумия, не тронута
Тысячелетиями тления.
А если – да, не ваши руки
Протянутся к моим бинтам.

Чем я полна сейчас? Сказаньями?
Из трав повымерших бальзамами?
Каких ветров прикосновением
Еще лицо мое живет?

Полна глазами, голосами я...
Хотя звучит – бездоказательно!
Со мной в наикрепчайшей дружбе
Крутое слово – «поворот».

Самореанимация

Пустое забытье.
Ни звука. Ни огня.
Найди меня, мое.
Вселись, мое, в меня.

Вернись. Не обессудь:
На что мне тлен и прах?
Отдай мне плоть и суть.
Не оставляй впотьмах.

Включи мне шум и свет.
И боль верни назад,
И тысячи примет,
Подряд и наугад!

Почти в руках покой,
Предсказанный – точь-в-точь!
Но вечный сон – на кой?
Оставь мне день и ночь.

К чему мне вниз иль ввысь?
Зачем мне ад иль рай?
Мое – в меня вернись.
И мне – меня отдай!

Не надо – «на помин».
Хотя бы на «пока»
Мне губы крась в кармин,
Витийствуй у виска!

Пускай сначала – пульс.
Да будет жизнь – сейчас.
А завтра... Разберусь
В себе. В который раз!

Пробуждение

Поприбавилось вдруг суеты.
Поотстали дела иные.
Поразмыслив, увяли цветы,
И в особенности – голубые.

Почернели, поникли и те,
Развеселого цвета розового.
Соблюдали нейтралитет,
Только корни враз подморозило.

Ураганилось! Татем шнырялось.
Рысью рыскалось и галопом.
Зубоскалилось! Счастье и ярость
Были рядышком. Около. Около!

Бедукурилось... Куролесилось...
Все – и горькое – весело, весело!
Все – и злое – не больно, не больно...
Только время шепнуло: «Довольно».

Так спокойно, так веско сказала.
Я подумала: «Блажь. Показалось».
Эту юность продлила на мили,
На парсеки... Остановили.

Точка. Финиш.
Другим – седло.
Заарканило.
Оплело...

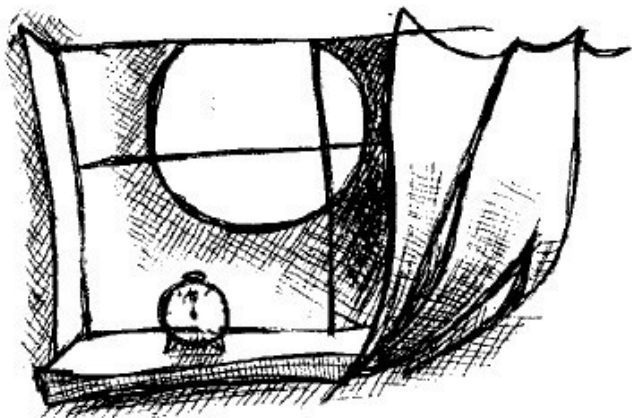
И теперь – разъезжаю в дрожках.
И дрожу простудною дрожью.
Хоть и хлещут лошадок вожжи, —
Не поможет уже. Не поможет.

Поприбавилось вдруг суеты.
Поотстали дела иные.
Поразмыслив, увяли цветы,
Мои розово-голубые.

Лозунги

Хватит лежать,
Коль «беда – не беда»,
Коль «душа – молода»...

Прошлое! Не убий мя,
Да коли встану когда,
Не себя во имя.

Прошение

Былую легкость возврати
И отношеньям, и походке.
Чтоб любопытство – больше глаз,
А удивленье – шире рук,
Крестом расставленных. В пути
Устала, крадучись подлодкой,
С опасным грузом про запас,
Над несомненным делать круг...

О, подари мне *ранг* Разини
И *сан* Наивности святой
Раззявы *титлом* свяжи.
Повышу *звания* отныне,
Вставая в *должность* на постой:
Пойду к неведенью служить —
Стяжаю Недотепы *чин*!

Отдаленным друзьям (обращение первое)

Друзья вы мои!.. Как отсутствие ваше заметно...
Да будут замешаны круто все ваши труды!
Но только не это: «наветами стали приветы,
И жажда, и некто недобрый не дарит воды»!

Ему я могу лишь в одном отношенье завидовать:
Что вы – рядом с ним. Но ничуть не завидую вам.
Мы знали источник. Пропали приметы и виды.
Исчезло названье, но воды – чистейшие – там!

Перемены

Сигналы летят...
Телефонные пухнут счета...
Но руки другие
Снимают далекую трубку
И руки другие
07 набирают.
Тщета.

Отдаленным друзьям (обращение второе)

Не вспомните, хотя не изменили.
Я ж на мгновенье не могу избыть
Все наши «да» и «нет», все «или-или»
И «быть – или не быть».

Плохая недоношенная рифма.
Я говорю давно сама с собой
О том, как я бреду, сбиваясь с ритма,
И осмеет – любой.

Но мне вас не хватает высочайше.
Глубинно и бестрепетно храню
В душе, как в чаше, – несравнимость вашу —
Ни тлену – ни огню.

Эпилог

Заполошная бабочка.
На огонь! На огонь!
На свечу ли? На лампочку?
«Не упрямясь. Не тронь».

Только гости незваные
Ослепленно летят.
Одинокие, странные,
Всюду люди сидят.

На верандах и в комнатах
Все не гасят огни,
Все вздыхают о ком-то...
«Не упрямясь. Усни.

Не гляди без участия:
Так сгоришь и в тени.
Надави выключатель,
Фитилек приверни.

Крылья – воспламеняемы!»
Но не внемлют они.
Зона Воспоминания.
– Затяжные огни!

На свечу ли? На лампочку?

– На огонь! – На огонь!

Сумасшедшая бабочка,

Образумься. Не тронь.

Старение
Дарья Бухарова. г. Санкт-
Петербург – г. Москва

От автора:

Живу на два города. Пишу в поездах. Не верю печатному

слову, не думаю о будущем. Люблю командовать, мистифицировать реальность и не спать по ночам.

© Бухарова Дарья, 2016

«В мой лингвистический паспорт вписано столько...»

В мой лингвистический паспорт вписано столько
Слов-паразитов, что к черту всякие смыслы.

Сука трехглавая жрет с трех сторон без соли,
Жамкает, сука, слюняво моими мыслями.

К черту.

Я не выбирал таблетку и не подписывал
Кровью, что обязуюсь – в петлю по пятницам,
Хватит, свали в туман и оттуда визгами
Жалуйся, сколько хочешь, что вся жизнь катится

К черту.

Слышишь, вселенная, думаешь, я забавный?

Ночью, когда мну сердце сухой ладонью,

И, пока день сползает к вечеру плавно,

Делаю вид, что я в норме, просто спросонья.

К черту.

Я не устал, я просто слегка оплавлен,

Как подожженный кончик шнурка из кожи.

Мне двадцать три, я уверен, что в полном праве

Ныть уже года два: вот я был моложе...

К черту.

«Теперь я сплю на краю кровати...»

Теперь я сплю на краю кровати,
Как будто ближе к дверным проемам,
Как будто дальше от злых объятий —
В стенных перчатках квадратов дома,
Углов и гладких обоев в клетку.

Теперь я кутаюсь в одеяло,
Так, чтоб дышать – словно двигать камни,
И через ткань не глядеть в усталый
Проем окна, черно-бело-рамный,
Закрытый плотно стеклом и сеткой.

В ушах – шуршание каждой ночью,
Я, крепко жмуясь, сверяюсь с пульсом.
Все пережитое – сна источник,
Хотел проснуться бы – не проснулся!
Полет нормальный – но путь опасный...

И в полусонном бреду рассветном
Звон истерично сознание лижет.
И: одеяло – глушить звук вредный,
И: самый край – так тянуться ближе,
И вся поэзия страха – сказки.

«Ой, а помнишь, никто не стоял над душой?..»

Ой, а помнишь, никто не стоял над душой?
Не плевал тебе в душу. И пальцами сердце не лапал.
Слышишь, помнишь? Теперь-то ты тоже, конечно,
другой,
И другие – другие. И страхи так приторно пахнут.
Когда ты ускользаешь от всех, притворяясь больным,
Ищешь чувство покоя, крутясь на постели измятой,
То не веришь, что все это было когда-то другим,
Это – боль, это – стыд. И чуть-чуть несмываемых пятен.

А теперь ты уже не уверен, что было, что нет.
Все смешалось – и ты помешался, и ты разложился
На десяток историй, цветных, как изломанный свет
Через призму из лжи. И ты даже, наверно, смирился.
Не смотри. И не думай. Я зря потревожил зверей,
Так спокойно сопевших внутри, у лазейки наружу.
Помнишь, как тебе было легко? Помнишь? Знаешь...
забей.
Хватит помнить. И – я умоляю тебя – хватит слушать.

Умение драматизировать

Мне не приходилось бежать за воздушным змеем,
Мой китайский фонарик сторел на взлете,
На мягких подушках из ветром вырванных перьев
Я разлагаюсь, точа об обои когти.

Не строил шалаш на ветках толстого клена,
Не рисовал зеленкой котов на икрах.
Я жег в керосине жуков у ручья под домом
И пропустил все злые детские игры.

Мне не приходилось лежать и смотреть на звезды,
Там, где я жил, у меня был Луны кусочек.
А через щели Солнце пугало монстров
С черной стены пунктиром рыженьких точек.

Я иногда забываю скрипеть и злиться,
Я столько лет провел на листах тетрадных.
Я воплощаю упадок: убью за пиццу
И за любовь. Но за пиццу – вдвойне приятней.

«Кажется, раньше – память уже не та...»

Кажется, раньше – память уже не та,
Я плохо помню, но знаю наверняка —
Все проблемы решались прыжком с моста
Или хотя бы жаждой того прыжка.

Нет, все, правда, было как-то легко,
Раз – пожелал, и твои кошмары истлели,
Даже неважно, насколько шутя, и кто
Был свидетелем этим жалких истерик.

Ну а теперь – хочешь сорвать замки,
Глянуть через перила узкой Фонтанки,
Только здесь – знаешь – нет ни твоей реки,
Ни веры в магию этой самообманки.

Кажется, раньше – память уже не та,
Подводит, наверное, верить в такое сложно —
Все проблемы решались прыжком с моста,
Воображаемым плеском и мокрой кожей.

«Инспектор по делам этого мира...»

Инспектор по делам этого мира,
Приезжай, пора навести порядок.
На главном канале в прямом эфире
Скажи, что комиссия уже в сборе.
Что всем на орехи...

Зря?

Но мир выглядит более чем тревожно.
Даже зеркалу нужно увидеть допуск,
Прежде чем отображать кислую рожу.
Правда проворовалась до истощения.
Стены черепа больше не держат крышу,
Каждый греет сердце отросшей шерстью,
Но бреется гладко.

Инспектор, слышишь?

Инспектор, есть там в вашей конторе
Кто-нибудь по делам несовершеннолетних?
Цивилизация впала в детство
И верит только в безумие.

Готовь клетки,

Инспектор. Готовь протоколы,
Больше расстрелов, больше огня,
Больше внимания к миру, хватит уже проколов.
Только быстрее, пока я не умер от страха
И не отозвал эту жалобу.

«Жить: неприемлемо; жизнь: неприемлема...»

Жить: неприемлемо; жизнь: неприемлема;
Тошно, и кровью пропитано небо.
Знали бы раньше про риск неотъемлемый —
Стали себя выбивать бы из гроба?

Трогать за горло звенящими пальцами
Можно, пока тебя слушают мышцы.
Совесьь закручена в жгут. Как скитальцы мы:
Знаем про дом, но о нем только слышали.

Нет ощущений и нет преимущества,
Только спокойствие холода дикого,
И, в темноте, одиноко, могущество
Шепчет: «Приди ко мне». Плачет: «Приди ко мне».

Чувствуешь в венах текущую вялую
Смесь вискаря с раскаленным металлом?
Слева – направо, но... слева ли? в праве ли?
Текст бы расплзся, когда б нас не стало.

Жить: неприемлемо; жизнь: неприемлема;
Жрешь с отвратительным хрустом стеклянные
Капсулы. И, зычным воем колеблемо,

Все бытие распадается в данные.

«Половинки мозга под ударами грома...»

Половинки мозга под ударами грома
Дрожат, как желе, и скрылась давно луна.
В предвкушении перед новым циклоном
Рифмуются точно «наука» и «тишина».

Я давно уже сплю в обнимку с плюшевой бритвой
И больше не думаю, что из меня вырастет.
Я всегда перед сном читаю одну молитву:
«Выброси это, выброси это, выброси».

Мне раньше хотелось двигаться по касательной,
Но я двигаюсь по кривой, метаясь мыслями.
А перед самой волной
Молитва меняется, и вдруг слышишь: «Выстрели».

«Окна дышат темной пленкой...»

Окна дышат темной пленкой.
Лезут в будущее руки.
Скрип костей и голос звонкий.

Имена – пустые звуки.
Шея в ожерелье бега —
Врозь коралловые ножки.
На тебе пальто из снега
И из пластика подстежка.
На тебе наряд из боли.
На игле – стекляшки страхов.

Обманули. Искололи.
Напугали. Чертит знаки
Проповедник подзаборный.
Ересь – разновидность гриппа.
Окна дышат. Стонут горны.
Чепуху бормочет сипло
Сон,
Такой пастельно-черный.

«Я выбился из сил – и высших, и подземных...»

Я выбился из сил – и высших, и подземных;
Я не слагаю вирш – и даже вишлистов,
Зимой бесснежной я лежу, уткнувшись в стену,
И слышу, как хрустят семь шейных позвонков,
И, клетчатым ковром завесив подоконник,
Пытаюсь обмануть простуду и судьбу.
Я составляю свой – не очень верный – сонник:
Орда знакомых лиц и кто-то-там-в-гробу.
Не знаю, как там вы, а я залез в бутылку:
Как склизкий конденсат, ничто не красит склеп...
Тут: звуковой волной – и прямо по затылку;
Урон плюс пять дэ шесть, гитара-бас-бэкстэп.

«Традиций древних дело – отвечать на вопросы...»

Традиций древних дело – отвечать на вопросы,
Что может быть надежней легенд?
Что, съев врага печенку, станешь храбр, как опоссум,
А почку – быстр, как муравьед.
Но вдоволь наглотавшись этих тонких ответов,
Ты все равно не можешь понять,
Где грудями лежат идеи новых сюжетов,
И как бы их оттуда достать.
Не надо биться грудью о кинжальную совесть —
Закон письма прост, как алфавит.
Когда две части жизни не срастаются в повесть,
Ты просто нажимаешь delete.
И нет никаких спросов, никаких предложений,
Лишь нечто порождает ничто.
Взгляни на белый лист. Не делай резких движений.
Вот видишь. Этот текст – не про то.

Категоричный сонет

Когда, проснувшись и взглянув в окно,
Мы видим, что там склизко и темно,
Как видели вчера – мы все равно
Наивно верим, что настанет рай.

Когда меня влечет железный ритм,
Я прячусь, потому что дух болит
От башен, блоков, тротуаров, плит —
Я не могу так глупо проиграть.

Это наивно – верить небесам,
И стройка жизни, что досталась нам, —
Мой самый неудавшийся контракт.

Но если пожелавших не найду
Гореть на этом свете и в аду,
Я просто отменю горенья факт.

«Привычный шум воды – как древнее сказанье...»

Привычный шум воды – как древнее сказанье.
Листаю струи строк, низвергнутых из туч.
И знает ли сам черт... но что такое «знанье»?
Воспитанный водой, ум тоже стал текуч.
И ветер в голове, и тонкий вкус корицы,
И мокрого песка неведомый покров.
А я закрыл глаза, и задрожали жрицы
Пред Голосом во мне вещающих богов.

«Эй, капитан, береги эту темную воду...»

Эй, капитан, береги эту темную воду,
И смотри на нее, только если уверен, что спишь.
Слушай ее, только если уверен, что молод,
А не то ненароком от жалости горькой сгоришь.

Будь осторожен, ныряя за сказочным кладом:
Под твоим отражением битых ракушек стекло.
Песни сирен это шутки в сравнении с сладким
Разбивающим сердце неискренним шорохом волн.

Рук не тяни, задирай подбородок повыше,
И по ветру – хвосты; сколько б ни было их, все давай!
С каждой милей разрезанных волн – ближе, слышишь,
Сердцевина, исток. И порядок, и хаос, и рай.

«Ты думал, что эта победа будет легка?..»

Ты думал, что эта победа будет легка?
Но – видишь, какой у нашей войны конец.
Ты должен быть красавцем, командир полка
Миллионов маленьких кровавых телец.

Поправь фуражку, расправь плечи – за дело!
Перед парадом будет сезон расстрелов.
Подходящее время, чтобы вступать в должность,
Командуй, братец. Увидишь, это не сложно.

Забудь про совесть, хватит уже вертеться,
Делай все, как привык. Только не ной.
Теперь отдавай приказы своему сердцу:
Налево, направо; левой, правой. Огонь.

Ты думал, можно выйти сухим из любви,
Когда все нервы сточились о кость врага?
Как бы душа ни была тебе дорога,
Забудь. Ты победитель – ты и живи.

«Я знаю: космос – светлый, он белее снегов...»

Я знаю: космос – светлый, он белее снегов,
И звезды в нем тверды, словно лед.
Я знаю точно, в космосе не встретишь богов,
Я знаю точно, в космосе нет звуков у слов,
И только изо рта пар идет.

Я знаю точно, космос защищает своих,
Что не отдашь за вьюжный уют!..
Я знаю точно, космос не выпускает живых...
Но, может быть, в порядке исключения, двоих
Он приютит в холодном раю?

«Расскажи о своих видениях, сын гипнотических женщин...»

Расскажи о своих видениях, сын гипнотических женщин,
Расскажи о своих сомнениях и о далеких снах,
Сколько бы ни было в них, в этих историях, желчи,
Сколько б ни длились они, даже если считать в веках.

Где тот счастливый бог, что вылепил все из глины:
Маленьких злых людей и то, на чем им писать?
Расскажи мне свои стихи – я на табличках выбью,
И так, пока хватит воли, глины и сил молчать.

Я? Я так прост! Меня породил философский диализ.
Я молюсь Аполлону. Втайне тещу Дионису жертвы,
Правда, ни тот, ни этот не любят психоанализ...
Расскажи, у тебя есть столько слов в голове! Ты первый.

«Что-то, отдаленно похожее на смерть...»

Что-то, отдаленно похожее на смерть.

Не сметь.

Эхо сердцебиения катит по венам,

Чувствую боль, но не вижу проблемы.

В красной рамке – на стену —

Подмена.

Подмена понятий или подмена смыслов.

Я не представляю, что бы с себя отчистить,

Горько, гнилостно – быстро.

Отворись!

Что-то темно-зеленое заливает метро.

Мятная горечь во рту, пульсирует лоб,

Не знаю, когда – конец, но будет смешно.

Молись.

Чувство вины

Темная жидкость в венах – не кровь, что-то другое.
Холодно – кутайся в плед, только не лезь под крыло.
Хочешь – свернись, медитируя, в темном покое,
Хочешь – взорви свое сердце, и станет светло.

Тянешь из прошлого нити безумств и волнений,
В твоём мироздании слезы надежней штыков.
Пока ты решал, приговор приведен в исполнение.
Помнят слова больше, чем ты помнишь слов.

Тени ползут с потолка, след оставляя блестящий,
Но ты привык, тебе хочется этой войны.
Наедине сами с собой, до зари – настоящие,
Немилосердны твои разномастные сны.

Пялится бездна из каждой секунды и скалит
Зубы, когда ты пытаешься прятать глаза.
В детстве играли в «а если меня не станет?».
Так все трагично, даже смешно рассказать.

Хочешь – стены раздвинь и шагай по звездной дорожке,
Хочешь – налей до краев страх в ожиданья бокал.
Я не сказал, что свободы не сыщешь в итоге.
Но, если так посмотреть... я, возможно, не знал.

«Я просто не знаю стихов. Уже. Ни своих, ни чужих...»

Я просто не знаю стихов. Уже. Ни своих, ни чужих.
Помню, когда-то давно. Кажется. Кем-то другим.
Видимо, это оно – то, что мешает мне жить, —
Видимо, это оно сделало горло немым.

Помню, болели глаза. Мутный слезящийся взгляд.
Грязное зеркало снов. Снова – внутри как вовне...
Что-то. Похоже на то. Да. Обернуться б назад.
Кажется, было стихов – много. В моей голове.

Это так странно теперь. Было. Вопрос только – как?
Свежим печатным листом пахнет моя голова.
Раз – собираешь свои остатки сознания в кулак,
И – только память о том, как превращаться в слова.

Контекст

Валентина Краснопирка. г. Люберцы, Московская область

Об авторе:

Родилась в 1984 году в Виннице (Винницкая область, Украина), но всю жизнь проживает в городе Люберцы (Московская область, Россия). Окончила общеобразовательную, музыкальную и художественную школы, а после – Московский государственный университет приборостроения и ин-

форматики. На данный момент работает графическим дизайнером и учится в Институте современного искусства.

Стихи публиковались в сборниках «Современники», «Кольцо 'А'» и «Антология сетевой поэзии», а также в интернет-журнале молодых писателей России «Пролог» и интернет-газете для женщин «Яблоко».

Лауреат Пушкинского молодежного фестиваля искусств «С веком наравне» в номинации «Поэзия».

© Краснопирка Валентина, 2016

Обычная история

Он опять ей твердит о том, что готов жениться,
Оправдав эту блажь повальной нехваткой принцев,
И, спугнув журавля, кладет ей в ладонь синицу.
А она смеется, как будто ручей искрится:
Не мути, – говорит, – водицу...

Он при ней, не стыдясь, снимает и грим, и панцирь,
Ради встречи мотая за день десятки станций.
Он давненько в нее влюблен – и готов признаться —
Да она все воротит нос, и уж если вкратце:
Продолжает над ним смеяться.

И тогда он решает: все, наигрались, баста.
Начинает везде искать от нее лекарство,
А потом – выжигает сердце и клеит пластырь.
Он внушает себе, что будет любим и счастлив,
Чтобы к старости этим хвастать.

...А она – поначалу ждет, что он вдруг вернется,
С каждым днем опускаясь глубже на дно колодца.
Ей по-прежнему как-то дышится и живется,
Но с тех пор она – признавая свое сиротство —
Никогда уже не смеется.

В открытку

Разгоняйся, покуда ноги тебя несут.
Спотыкайся, падай – скрашивай свой досуг.
Это мелко – ждать, что тебя спасут,
Уповая на Божий суд.

– Не ищи покоя – покою не будешь рад.
Совершай ошибки, действуя наугад.
Если опыт – лучшая из наград —
Не стесняйся, что им богат.

Ты ведь сам создаешь и рушишь свои табу.
Но свобода мысли – знаковый атрибут,
Так что глупо плакаться на судьбу.
– Запиши у себя на лбу.

А когда устанешь – тогда оглянись кругом:
Путь от точки А до В под крутым углом —
Это жизнь, которая must go on.
– Научись набирать разгон.

«Как видно, не нашлось острее лезвия...»

Как видно, не нашлось острее лезвия,
Чем скальпель, удаляющий саркому:
Словами – рассудительными, трезвыми —
Он резал – без наркоза, по живому.
Неловкий жест – а ткань уже испорчена.
И сложно оценить масштаб утраты.
– Но то, что раны долго кровоточили,
Едва ли занесут потом в медкарту.
Однако по какой-то злой иронии
Все время пребывания в палате —
Как будто это было оговорено —
Меня же покалечивший оплатит.
...Сейчас, когда формальности улажены,
Мы тщетно игнорируем друг друга.

– Я знаю, как мне следует выхаживать
Того, кто побывал в руках хирурга.

«Истерия – как признак отсутствия вкуса...»

Истерия – как признак отсутствия вкуса.
Проверяя по ГОСТу железные нервы,
Удивляюсь тому, что по-прежнему сплю с ним:
Каждый раз – будто первый.

И скроив свой макет по стандартному плану,
Я другого расклада, пожалуй, не мыслю.
– Почему «эпизод» этот так и не канул
В кинохрониках жизни?..

Как герой он едва ли годится сюжету —
После титров обычно претензий навалом...
Мне придется стихи до скончания лета
Собирать по карманам.

Мне придется искать «вариант» среди прочих,
Убеждая себя, что я многим умнее...
Только жаль, что другие читать между строчек
– Так как он – не умеют.

Письмо на замерзшем окне

Я совсем одна, а вокруг ледяная твердь.
И привычно гуляет вьюга у стен дворца...
Мне придется тебя любить, а тебе – взрослеть.
Герда станет все отрицать.
Если скажет она, что не было этих дней,
зачарованных, проведенных в моем плену,
я прошу тебя, не берись пререкаться с ней,
подтверждая мою вину.

Я могла бы найти замену тебе, мой Кай.
Подошел бы вполне Пиноккио или Нильс.
Только думаю о других – и берет тоска,
от которой мне не спастись.
Даже если собрать их дружно одной гурьбой
(Питер Пэн, Том Сойер и маленький мальчик Мук),
наша сказка едва ли сбудется, но с тобой...
люди сразу ее поймут.

Я уже не считаю, сколько прошло ночей
с той поры, как ты возвратился в свой старый дом.
Жаль, что внешний мир не прельщает меня ничем,
а тебе не жилось в моем...
Но когда мои сани мчатся по облакам,
обрекая на лютый холод зверье и птиц,
я прошу тебя, вспоминай обо мне, мой Кай —

заклинаю тебя, мой принц.

«Пока рикошетит из трубки с грохотом...»

Пока рикошетит из трубки с грохотом
Который раунд – держусь инструкций:
Я молча слушаю, как же плохо там,
Куда он вынужден был вернуться.

«Упавших больше не бить – из жалости» —
Мое табу, свод негласных правил:
Ему так паршиво, что я – не жалеюсь,
Хотя он первый меня «ударил».

А дальше, в общем-то, по накатанной:
Подшила связки, срастила кости —
Когда он снова послал в нокаут меня
Обычной фразой «заеду в гости».

О мужчинах

Я выбираю – всегда заочно —
Большее из двух зол,
Чтобы проверить себя на прочность,
Выдержать на излом.

Чтобы спуститься как можно глубже,
Грохнутья свысока.
Я выбираю – намного хуже —
Чтобы наверняка!

Чтобы концовка была трагичной
И проняла насквозь.
Я выбираю – себя цинично
Пробуя на износ.

Я выбираю. И с каждым разом,
От одного к другим,
Я получаю – как по заказу.

– Господи, помоги...

«Он опять не спит, любуюсь ее лицом...»

Он опять не спит, любуюсь ее лицом.
И, хотя уже репетировал раз пятьсот,
говорит ей с почти предательской хрипотцой:

«Я ведь точно знаю, что ты создана Творцом
для таких вот, как я, – глупцов...

Отчего же я не бегу от тебя стремглав,
чтоб отсрочить финал романа на пару глав?..

Я бы мог позабыть о том, что Земля кругла,
и начать бестолково маяться по углам,
если б ты на то обрекла...

– Ты вольна решать, но я тебя не корю.

Я бы рад опять нацепить на себя броню,
но пока безоружным пленным стою в строю:
если хочешь толкнуть – то вот он я, на краю.
Только ждут ли меня в раю?..»

А она молчит. И тогда он ее во сне
прижимает к себе тесней...

«Завязать бы мысли в тугой клубок...»

Завязать бы мысли в тугой клубок:
Как ни бейся – а не распутать.
Осыпается медленно с рук и ног
Жизнь.
И крбшится на минуты...

Путь, что пройден нынче почти на треть,
Не оставил сомнений, кроме
Глупой прихоти – взять и переболеть
Тем,
Кто сам изначально болен.

Если учишь правило – на зубок! —
Не спеши сочинять другое.
И не хочется знать, что в конце дорог
Мне.
И близко ли от него я...

«...И вновь на плечах как будто лежит гора...»

...И вновь на плечах как будто лежит гора:
Пусть ты как Сократ – мудра, как Земля – стара,
Да только не спится в 4 часа утра
– В осколках былых утрат.

И ты, уткнувшись в подушку, опять ревешь,
О том, чего не продать/не купить за грош,
Покуда память кромсает и режет сплошь
Обшивку дебелих кож.

– Но крыть больше нечем, ибо накрыло так,
Что сердце вот-вот собьется, изменит такт,
И в пору лечиться – в надежде на добрый знак —
Колесами натошак.

...Когда же попустит – отпустит в объятья сна:
Ты станешь как боль – сильна, как Луна – бледна.
А те, кто в бреду зовутся по именам —
Простятся тебе – сполна.

«Зачем я тебе?.. Какая такая блажь...»

– Зачем я тебе?.. Какая такая блажь
Тебя заставляет биться со мной без толка?..
Я стала циничней шлюхи и злее волка.
Но даже если ты меня не предашь —
То будешь со мной недолго.

Во мне все подделка. Видимость. Суррогат.
Нужда создавать и множить свои личины.
И я однозначно сдохну неизлечимой,
Когда башка однажды придет вразлад —
Без повода и причины.

Пока же – слова во рту отдают свинцом,
Чтоб их потрещать прицельно (и это финиш).
Но стоит взглянуться лучше – и ты увидишь,
Как от улыбки сводит мое лицо
В попытке исправить имидж.

Однако тщетно... Фактура – не первый сорт.
И время разумных доводов истекает,
Пока ты напрасно маешься неприкаян:
Когда вокруг довольно других красот,
Зачем я тебе – такая?

Зачем я тебе – такая?..

«Хоть и не свято – пустеет место...»

Хоть и не свято – пустеет место...
На зависть публике разномастной
Он был как будто другого теста —
Особой касты.

Он отличался – по всем приметам —
И, выбиваясь из всех канонов,
Он словно жил по другим заветам —
Своим законам.

Ступая смело по тонкой грани —
Как представитель иной породы —
Он ставил выше стандартных правил
Свою свободу.

И был, казалось бы, всем доволен...
Но с ним простившись, я понимаю —
Он тоже воин – того же поля,
Что и сама я.

Имя

Имя – столь непривычное,
Чуждое языку...
Чтобы найти отличия —
Пробуй его.
Смакуй.

Звуками перекачивай
Медленно по губам.
Имя его – с заплатами,
С брешами – пополам.

Золотом, мной украденным,
Пролитым мной вином —
Имя, что было дано
Кем-то ему давно.

Искрами серебристыми
Стелется налету.
Имя его – как выстрелы.
В яблочко.
За версту.

Бон Вояж

Я готов оплатить нам Лондон, Берлин, Париж
И хоть как-то тебя отвлечь от всего, малыш.
Но пока ты пьешь и о чем-то своем молчишь,
Мы как будто глобально в ссоре.
А могли бы объехать мир, что не так уж плох...
– Раз тебе до меня достался отборный лох,
Ты внуши себе невзначай, будто он издох
От какой-то внезапной хвори.

Я бы мог прикупить нам «Порш» и уютный дом,
Если это поможет снять «болево́й синдром» —
Ты ж его забываешь, крошка, с таким трудом,
Что диагноз уже формален.
Ты себя защищаешь тщетно, со всех сторон,
Потому что он посягнул на твое нутро.
– И не ясно, какой тебе причинен урон,
Но тебя до сих пор «ломает».

Я не знаю, чего он делал с тобой и как.
Если он твой Бог – очевидно, что я дурак,
Но пока твое тело спит на моих руках —
Я счастливейший из дебилов.
...Мы увидим с тобой Варшаву, Монако, Рим.
А когда затянется брешь у тебя внутри,
Станет легче – и вот тогда мы поговорим,

Не касаясь того, что было.

Только мне не изъять всю дурь из тебя силком.

– Собирайся, детка. Пора завершать ситком.

«Приезжай, мой друг, пока пустотел мой дом...»

Приезжай, мой друг, пока пустотел мой дом —
Я открою дверь, сказав, как безумно рада.
Будем пить самбуку, водку и ром со льдом
И шутить о том, о чем говорят с трудом,
Чтобы твой визит казался вдвойне оправдан.

За избытком слов считается весь контекст:
Ты опять блеснешь подборкой своих интрижек,
А потом – привычно сдержишь в себе рефлекс...
Даже если мы замутим улетный секс —
Он не сделает нас понятнее или ближе.

Ты же знаешь, как напрасна моя страда —
Я ищу в других надежности и покоя.
А вблизи тебя – зашкаливает радар,
Кровь моя струится током по проводам
И приборы чувств выходят из-под контроля.

– Я на самом деле сломана и больна,
Но тебе мои симптомы давно знакомы:
Мир внутри меня – не более чем война.
Только если ты останешься дотемна,
Научи меня, как может быть по-другому...

«Пла́чу опять без повода...»

Пла́чу опять без повода,
Зная – не станет легче...
Жизнь моя – это проводы
Тех, кого держат крепче.

...И не такое вынесу,
Лишь бы – в порядке бреда —
Боль моя стала вымыслом
В сказке без хеппи-энда.

Мамины носочки

– Моя мама совсем седая и много вяжет:
У нее в руках оживают клубок и спицы.
Но у мамы моей нет внуков – а это важно,
Потому что ее носочки должны носиться.

– И она раздает их детям моих подружек:
Малыши подрастают споро и торопливо...
Но покада ее носочки исправно служат,
Моя мама себя считает почти счастливой.

– Дочь у мамы, конечно, тоже не белоручка:
Отчего же я засиделась одна в невестах?
Мне бы мамой стать – да только не выпал случай,
И носочкам в моей квартире, увы, не место.

– Моя мама себя корит – за меня в ответе.
Вьется нитка по спицам, чей перестук отлажен:
Убегает за годом год, подрастают дети,
Мама вяжет носочки, я покупаю пряжу...

«Детка-детка... чего ж ты себя корежишь...»

Детка-детка... чего ж ты себя корежишь,
Загоняя такого – себе под кожу?
– Будто кто-то тебя просил...
Ты найди себе проще – он слишком сложен:
С ним бы надо грубее, жестче и строже,
Да уже не хватает сил.

Ты ведь им переполнена, под завязку.
Но от всякой случайной прохожей ласки,
Мельком брошенной на бегу,
Не спасает тебя ни жилет, ни каска.
– Потому ты глядишь на него с опаской,
Только он в ответ – ни гу-гу.

У него же таких – ровно два десятка.
Или три?.. В общем, все у него в порядке:
Целый выводок – под рукой.
А прикол в том, что ты при твоих повадках —
Скоростная прыть да стальная хватка —
Охраняешь его покой.

И хотя он мнится тебе полубогом —
Не стели ты ковром перед ним дорогу —

Пусть всего достигает сам.
Постарайся стать грубой. Жесткой. И строгой.
Уложи его в раз на лопатки – слогом —
И ступай по своим делам.

У тебя ведь вся жизнь впереди – плацдармом.
Ты ж ему не нужна – ни в кредит, ни даром,
Так что хватит. И нóшу с плеч.
Согласись с тем, что он для тебя не пара.
– Ты вполне устоишь под таким ударом,
От которого впору слечь.

Только вот ведь беда – те же грабли, вилы,
Позывные навроде «родная? – милый!» —
Слишком цепкие стремяна.
И ты скачешь галопом, мотая мили —
Потому что иначе не научили! —
Оставаясь ему верна.

Ныне.
Присно.
Во все времена.

«Безнадежно взрослеет племя моих самцов...»

Безнадежно взрослеет племя моих самцов:
Я гляжу, как Бетховен, Сахаров и Конфуций
Обрастают бытом и в офисах дружно трутся,
Но никто не горит идеями революций...
– Пареньки, что любили трогать мое лицо,
Мужиками в него смеются.

Каждый новым статусом будто бы даже горд,
А когда-то – летели в пекло, не зная брода,
С перспективой меня беречь и любить до гроба.
...Тициан и Пушкин ругаются на погоду
И мечтают однажды вырваться за бугор,
Наплодивши детей в разводах.

– Ничего не вышло, но разве я их виню,
Что себя с трудом поднимаю с утра с кровати?
Если мыслить здраво, то в целом расклад понятен:
Просто так «подфартило» – силы на них истратить,
Чтобы нынче из мазохизма писать фигню
И бояться, что слов не хватит.

Но пока еще существует моя Орда —
Потому я плачу им дань и делюсь на части,

Хоть призывный клич раздается уже нечасто...
– Очевидно, что Ганди весел, а Дарвин счастлив.
И, наверно, их не волнует, что я одна,
Словно преданный соучастник.

«Тишина вокруг порождает побочный шум...»

Тишина вокруг порождает побочный шум —
Он фонит извне, ночами не затихая:
Я так много бредовых мыслей в себе ношу,
Что пора уже отхаркиваться стихами.

Только то, что я постигаю с таким трудом,
Не облечь в слова – на прописях или устно...
– Просто Бог кладет меня бережно на ладонь,
А потом в кулак сжимает ее до хруста.

Ирония и жалость
Лука Шувалов. г. Кострома

От автора:

Мне шестьдесят семь лет. Я урожденный москвич, родился в селе Алексеевском, как раз на том месте, где сейчас расположен южный вход в метро ВДНХ.

Сейчас по ряду причин перебрался в прекрасный древний русский город Кострому, живу спокойной областной жизнью, состою в местных лит. объединениях, от случая к случаю впитывая культурную жизнь Костромы и Ярославля.

По профессии – инженер, много лет проработал в авиационной, газовой промышленности, станкостроении, где работаю, кстати, и сейчас.

Стихи начал писать довольно давно, но от случая к случаю. А в начале 2014 года зарегистрировался на одном из сайтов и начал публиковать один за одним рифмованные и прозаические тексты, чем занимаюсь и сейчас.

«Лука Шувалов» – это мой литературный псевдоним, история его сложна, она описана в романе «Иродион», выложенном на «проза. ру», там же можно узнать и мои настоящие имя и фамилию.

Литературные вкусы мои формировались в шестидесятые-восемидесятые годы прошлого века великой русской цепочкой: от Пушкина, Гоголя через Толстого и Достоевского к Маяковскому, Булгакову, а от них к Трифонову и Окуджаве, и далее – к Сорокину и Улицкой.

А дальше – стихи, которые я постарался насытить по совету уже с утра «слегка выпившего» Билла Хортон из хемингуэвской «Фиесты» самой, по моему мнению, главной

литературной субстанцией: иронией и жалостью.

© Шувалов Лука, 2016

ФЭнТази на тему моего псевдонима

Лоза на море вид не портит,
Сырой веранды пол дощат.
Лука Шувалия из Поты
Смакует кофе натошак.
Неярки дней его охвостья,
Была страна, была жена,
В Рустави сын, а дочка в Хосте.
За русским замужем она.
Базарный крик портовых чаек
Привычен и не режет слух,
Ничто под кофе не печалит
Луку, быть может, пара мух,
Порой жужжащих деловито,
Электробритвой «Агидель»,
Была же ведь электробритва!
И он ей брился через день.
Он вспоминает, как светило
Над Поты солнце, из Москвы
Встречались женщины, щетина
Их не пугала – дармовых
Подарков Потийского лета,
Что одаренья сами ждут.
А было ль все хмельное это?
Над Поты осень, листья жгут.
В душе Луки все вне сезонов:

Спокойный космос доброты,
Заряд его заложен, взорван,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.